

ГОРОД,

КОТОРЫЙ
ОТМЕНИЛ
ВЧЕРА

III

Елизавета Моревская

Елизавета Моревская

Город, который отменил вчера

«Автор»

2026

Моревская Е.

Город, который отменил вчера / Е. Моревская — «Автор», 2026

Что делать, если будильник обещает понедельник, а остывший чай помнит вторник? Марта просыпается в городе, где вчера будто отменили: часы расходятся, память подводит, а привычная реальность трещит. Чтобы найти объяснение, ей нужно отделить факты от догадок. Но вернуть прошлое — ещё не значит исправить его: попытка начать заново может ранить тех, кто не выбирал этот шанс. Разгадывая тайну времени, Марта столкнётся с собственной ошибкой и поймёт: ответственность не равна самонаказанию, а извинение не гарантирует прощения. Прежде чем менять судьбы, придётся услышать тех, кого её решение затронет. «Город, который отменил вчера» — фантастическая история о памяти, сожалении и втором шансе. Для тех, кто застрял в прошлом или боится ошибиться снова, это рассказ о том, как принять невозвратное и выбрать следующий шаг — сегодня. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Моревская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Утро без вчера	6
Пустые места в памяти	10
Часы, идущие в разные стороны	15
Правила отменённого дня	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елизавета Моревская

Город, который отменил вчера

Город, который отменил вчера

Елизавета Моревская

Утро без вчера

Будильник зазвонил в восемь двенадцать и сообщил, что сегодня понедельник.

Марта не сразу открыла глаза. Она лежала, слушая, как электронный голос повторяет: «Понедельник. Восемь двенадцать». Потом потянулась и выключила звук. На дисплее старого будильника по-прежнему светилось «ПН», будто он не собирался уступать утру ни одного слова.

На столе стояла чашка с остывшим чаем.

Марта села. В чае плавал маленький листок мяты, потемневший по краям. Она приготовила его вчера, во вторник, вернувшись домой поздно. Заварила крепко, забыла выпить и оставила чашку у блокнота. Она помнила, как стряхивала с рукава капли дождя, как ставила чайник, как думала о разговоре с Львом. Помнила так отчетливо, что могла назвать время: около девяти вечера.

Телефон лежал рядом с чашкой. На экране было написано: «Среда, 18 июня». Марта посмотрела на дату, затем на будильник.

— Ладно, — сказала она пустой комнате. — Кто-то из вас ошибается.

В календаре телефона стояло: понедельник, 16 июня, затем среда, 18 июня. Между ними оставалась узкая пустая клетка. Не перечеркнутая, не отмеченная выходным. Просто пустая, как будто вторник забыли напечатать.

Она открыла сообщения. Разговор с Львом заканчивался в понедельник короткой фразой: «Папку заберу на неделе». Ни одного сообщения за вчера. Ни от брата, ни от подруги, ни от службы доставки, которая обычно присылала напоминания о заказах. В списке звонков тоже не было вторника.

Марта прокрутила экран вверх, хотя знала, что не найдет там ничего. Пустота в телефоне казалась не отсутствием, а аккуратно вычищенным местом. Как стол после уборки, когда кто-то вынес не только мусор, но и саму привычку оставлять вещи.

Она повернула к себе бумажный ежедневник. На открытой странице стояла дата: «17 июня, вторник». Почерк был ее, быстрый, с чуть наклоненными буквами. Чернила не расплылись, лист не был смят.

«Лев пришел за папкой и ключами. Снова говорит о продаже квартиры. Я сказала, что ему лишь бы поскорее избавиться от всего маминого. Он ответил, что устал жить в музее. Я сказала: “Не хочу тебя видеть”. Он замолчал. Я тоже могла бы замолчать, но не замолчала».

Ниже, через строку:

«19:43. Северная. Женщина в желтом пальто. У края платформы».

Марта опустила ежедневник. В комнате стало тихо, но в голове загремел вчерашний поезд.

Она видела тот вечер: станция Северная, свет ламп, мокрые следы на плитке. Женщина в желтом пальто шагнула к краю, зацепившись ручкой сумки за собственный шарф. Поезд уже входил в тоннель. Марта бросилась вперед, схватила женщину за локоть и потянула назад. Обе упали на платформу. Женщина ударилась ладонью, Марта — коленом. Грохот прокатился над ними, оставив во рту металлический привкус. Потом женщина долго держала ее за рукав и повторяла: «Спасибо. Меня Вера зовут. Спасибо».

Марта посмотрела на свое запястье.

Там, под основанием ладони, белела тонкая красная полоса, будто ремешок часов слишком долго и туго сжимал кожу. Она потерла след большим пальцем. Кожа была теплой, слегка болезненной. Вчера на руке были мамины часы — старые, с черным кожаным ремешком, который натирал после недавнего ремонта. Теперь часов не было. Не на запястье, не на прикроватном столике, не в блюде у двери, куда Марта обычно клала их перед сном.

Она проверила комод. Пусто. Заглянула под кровать, в карманы халата, в коробку с зарядными устройствами. Потом еще раз — в блюдце у двери. Там лежали ключи, две монеты и пуговица, которую она все собиралась пришить. Часов не было.

Телефон завибрировал в ее руке. Уведомление о погоде сообщало, что сегодня в городе ожидается дождь. Среда, 18 июня. Она открыла календарь еще раз, словно за эти несколько минут пустая клетка могла заполниться.

Нет.

Марта взяла ручку и на свободном листе ежедневника провела три линии. Над первой написала: «Факты». Над второй: «Память». Над третьей: «Чувства».

В первой колонке появилось:

«Будильник: понедельник, 8:12. Телефон: среда, 18 июня. В календаре нет 17 июня. Сообщений за вчера нет. Чай остыл».

Во второй:

«Вчера была ссора с Львом. Потом станция Северная. Женщина в желтом пальто. Я ударила ее».

В третьей ручка остановилась.

Марта прислушалась к себе. Первым пришел страх, холодный и быстрый. Потом — злость на телефон, календарь, будильник и на саму себя за то, что она пыталась выбрать, какой из них прав. А под злостью лежало другое чувство, тяжелее и старше: вина.

«Мне стыдно, что последнее, что я сказала Льву, было жестоким», — написала она.

Теперь на странице было три разных пространства. Не доказательства, воспоминания и объяснение, а то, что можно увидеть, то, что помнит она, и то, что происходит у нее внутри. Это не решало загадку. Но хотя бы не позволяло ей сложить все в одну кучу и назвать эту кучу правдой.

Она набрала номер брата.

Лев ответил после третьего гудка. На фоне звучал шум улицы.

— Марта, привет. Что случилось?

Она хотела спросить: «Ты помнишь вчера?» Хотела произнести это так, чтобы он не успел отмахнуться. Но его голос был обычным, усталым. От этого вопрос стал похож на обвинение.

— Ты когда последний раз был у меня?

— В понедельник. Забрал папку, помнишь? Мы договорились, что я пока подожду с квартирой.

— А потом?

— Потом ничего. Я уехал на работу. Ты хотела еще что-то?

Марта сжала телефон. В памяти вспыхнуло, как Лев стоял у двери с папкой под мышкой. Как сказал: «Я не могу бесконечно ждать, пока ты решишь, что вещи мамы должны решать за нас». Как она ответила про музей. Как его лицо стало неподвижным.

— Мы вчера не виделись?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Вчера я был в офисе. Потом заезжал домой. А что?

— Ничего. Просто спросила.

— Марта, ты хорошо себя чувствуешь?

Она посмотрела на чашку с чаем.

— Пока не знаю.

Лев предложил приехать. Она отказалась, хотя потом пожалела об этом. Не потому, что непременно хотела его видеть, а потому, что отказ вышел слишком похожим на вчерашнее «не хочу тебя видеть». Она не стала объяснять, что в ее версии событий вчера уже было, и что там они оба успели сказать больше, чем хотели.

Закончив разговор, Марта положила телефон экраном вниз. Убедить брата в том, чего он не помнит, было бы просто. Можно было прочесть ему записку, описать ссору, повторить фразу. Но тогда разговор снова превратился бы в спор о том, кто лучше знает правду. А ей сейчас нужно было понять, что именно можно проверить.

Она оделась и вышла.

В лифте пахло мокрой шерстью и средством для мытья пола. На первом этаже соседка из квартиры напротив придержала дверь.

— Доброе утро, Марта. На работу?

— Да.

— Хорошая среда для прогулки, — сказала соседка, взглянув на серое небо. — В понедельник обещали солнце, а теперь вот опять дождь.

Марта уже открыла рот, но остановилась. Она не знала, что ответить. Соседка произнесла эти слова легко, не шутя и не проверяя ее. Для нее понедельник был началом недели, а потом наступила среда. Между ними ничего не произошло.

У остановки трамвая стояла женщина в желтом пальто.

Марта узнала ее прежде, чем успела решить, что это невозможно. Та же светлая ткань, тот же широкий воротник, та же сумка с надломленной пластиковой ручкой. Женщина внимательно смотрела на расписание, держа ладонь под мышкой, будто пыталась согреть ее.

Марта подошла ближе.

— Вера?

Женщина обернулась.

— Да?

Марта почувствовала, как сердце ударило о ребра. Не так сильно, как вчера на платформе, но достаточно, чтобы она снова увидела свет фар в тоннеле.

— Мы встречались вчера на Северной. На станции. Вы поскользнулись у края платформы, и я помогла вам отойти.

Вера посмотрела на нее без тревоги, только с легким недоумением.

— На Северной? Нет. Я вчера ездила к дочери на автобусе. В метро я почти не бываю.

— Вы были в желтом пальто.

— В этом?

Женщина улыбнулась уголком губ и взглянула на свой рукав, словно Марта заметила что-то необычное. Потом ее улыбка погасла.

— Извините, я вас не помню.

Марта почувствовала, как внутри поднимается прежнее желание: повторить подробности, заставить женщину увидеть платформу, шум, падение. Но Вера не выглядела насмешливой. Она не отрицала случившееся из упрямства. Она просто не могла найти это воспоминание у себя.

— Понимаю, — сказала Марта, хотя ничего не понимала.

Вера шевельнула пальцами, и Марта заметила на ладони тонкую красную ссадину. Та же рука, за которую она хваталась вчера. Такая отметина могла появиться десятком способов. Можно было зацепиться за дверную ручку, порезаться бумагой, расчесать кожу во сне.

— Вы поранились?

Вера посмотрела на ладонь.

— Не знаю. Утром увидела. Наверное, зацепила где-то дома.

Трамвай показался на повороте. Вера подняла сумку. Марта не стала удерживать ее вопросами.

— Хорошего дня, — сказала Вера.

— И вам.

Когда двери закрылись, Марта осталась на остановке. Она не доказала ничего. Но теперь у нее было еще одно наблюдение: женщина, похожая на ту, кого она спасла, не помнила встречи; на ее ладони была свежая ссадина. Марта достала ежедневник и записала обе фразы, не добавляя к ним объяснения.

«Вера не помнит Северную. Ссадина на левой ладони. Причина неизвестна».

Только тогда она заметила, что все еще стискивает край блокнота. Разжала пальцы. В ладони остались белые полосы от обложки.

На остановке пахло мокрым асфальтом и горячим металлом. Трамвай уходил, а вместе с ним уезжала возможность спросить еще что-нибудь, но Марта не побежала следом. Ей не требовалось получить ответ прямо сейчас. Ей нужно было понять, где вопрос можно задать без давления и что она сможет проверить сама.

Она собиралась вернуться домой, когда вспомнила про пальто. То самое, в котором была накануне. В кармане что-то шуршало. Марта вынула сложенный бумажный чек, смятый по краям. На нем проступали название киоска у станции Северная, номер кассы и время покупки.

17 июня, 19:41.

Марта перечитала строку дважды. Покупала воду после того, как помогла Вере. Помнила, как искала мелочь в кармане, как поставила бутылку в сумку и заметила, что пальцы дрожат. Чек был не воспоминанием. Его можно было показать сотруднику киоска, спросить, сохранился ли отчет по кассе, уточнить номер терминала и время продажи.

На обратной стороне бумаги не было ни слов, ни пометок. Только короткий след от синей ручки.

Марта снова открыла ежедневник и добавила в колонку «Факты»:

«Чек киоска у Северной. 17 июня, 19:41. Номер кассы читается».

В колонке «Чувства» написала:

«Страшно. Я злюсь. Я не хочу, чтобы слова Льву остались последними».

Она не стала отправлять брату длинное сообщение о том, что произошло. Не стала доказывать ему существование вторника. Но ниже, на чистой строке, написала: «Я помню, что сказала. Мне жаль. Я хочу поговорить, когда ты будешь готов». Пока не нажала отправить. Эта фраза не могла вернуть вчера, зато могла не позволить страху решить за нее, что делать дальше.

Трамвайная остановка снова опустела. Марта сложила чек и вложила его между страницами ежедневника. Впервые с момента пробуждения у нее появился не ответ, а следующий шаг: дойти до киоска и проверить, существует ли эта покупка в их архиве.

Она посмотрела на запястье. Красная полоса от исчезнувших часов понемногу бледнела, но еще оставалась видна.

Город мог отменить вчера. Пока он не отменил бумагу, на которой вчера было напечатано.

Пустые места в памяти

Марта дошла до киоска, не выпуская чек из руки. Бумага размякла у сгиба и уже не казалась доказательством. Скорее уликой, которая могла исчезнуть, если слишком крепко за нее держаться.

Киоск стоял на углу площади, под выцветшей вывеской «Пресса». За стеклом рядами лежали газеты. На первой полосе сегодняшнего номера темнела фотография набережной и крупный заголовок: «Синоптики предупреждают о буре». Марта остановилась.

Она помнила этот заголовок.

Вчерашний вечер, сырой ветер, ее пальцы, отсчитывающие мелочь. Продавец протянул ей газету и сказал: «Возьмите, пока не размели. Обещают сильный ливень». Марта тогда еще подумала, что синоптики каждый день обещают городу то ливень, то ясное небо, и оба раза оказываются правы.

Но газета за стеклом была датирована сегодняшним днем.

Внутри звякнул колокольчик. Продавец, пожилой мужчина в коричневом жилете, выглянул из окошка.

— Вы за свежим номером?

— Я покупала у вас эту газету вчера.

Он посмотрел на обложку, потом на нее.

— Вчера?

Марта развернула чек. На узкой полоске бумаги читались название киоска, товар и время: 18:42. День недели был указан полностью: вторник.

— Вот. Газета и время. Я нашла чек у себя.

Продавец взял бумагу двумя пальцами, словно опасался испачкаться типографской краской.

— Чек старый, — сказал он. — Но номер сегодняшнего дня.

— Я знаю.

— Вы могли купить его утром.

— Тогда в чеке было бы утро.

Мужчина перевел взгляд на строчку с временем. За его спиной глухо тикали настенные часы. Марта не спросила, который сейчас час. Ей вдруг показалось, что даже простой вопрос может поставить ее в неловкое положение: а если часы покажут одно, а ее телефон другое? Если вчера исчезло, разве нельзя отменить и обычную точность?

— Я помню вас, — сказал продавец наконец.

— Правда?

— Не уверен, что именно вчера. Но помню, как вы покупали этот номер. Было прохладно. Вы спросили, ждать ли бурю вечером. Я сказал, что синоптики редко ошибаются насчет дождя, когда дождь уже идет.

Марта посмотрела на газету.

— А дождь шел?

— По-моему, нет.

Она вспомнила мокрый асфальт, отражавший огни, и капли на рукаве. Воспоминание было ярким, почти осязаемым. От этого оно не становилось надежнее.

— Я помню, что шел.

— Может быть, — ответил продавец. — Я не стану с вами спорить. Я запомнил газету, потому что прогноз был на первой полосе. А погоду мог перепутать.

Он говорил без насмешки и без испуга. Просто оставил на прилавке место для двух версий.

Марта достала ежедневник. На сгибе страницы лежал чек, а ниже, на листе, исписанном ее рукой, стояла запись: «Вторник. 18:00 — Лев. Не опоздать. Поговорить спокойно». Следующая строка была сделана темнее, нажим сильнее: «Сказала, что не могу опять все делать за него».

Она провела пальцем по словам. Тетрадь была обыкновенной: с потертыми углами, пятном от кофе, расписанием встреч на несколько недель вперед. И все же эта страница не должна была существовать. Не потому, что Марта не могла написать ее сама. Потому, что город теперь вел себя так, будто вторника никогда не было. На календаре в телефоне за понедельником сразу шел четверг. В ежедневнике же оставались ее почерк, ее планы, ее резкий нажим.

Тетрадь не доказывала, что Марта помнит все правильно. Она доказывала, что до нынешнего дня Марта записала именно это.

— Можно я вас кое о чем спрошу? — сказала она. — Не чтобы убедить вас. Я пытаюсь понять, что помню сама.

Продавец снова посмотрел на нее, уже внимательнее.

— Это разговор подлиннее, чем покупка газеты.

— Мне подходит.

Он отпер боковую дверцу киоска. Внутри пахло пылью, картоном и крепким чаем. Мужчина представился Павлом Ильичом, придвинул табурет и достал из-под прилавка обрывок упаковочной бумаги. Марта разлиновала его своим карандашом на три колонки.

«Подтвержденный факт».

«Личное воспоминание».

«Пока непроверенная догадка».

Павел Ильич прочитал заголовки.

— Как в расследовании.

— Пока это расследование только моей памяти.

— Тогда начнем с чека, — сказал он.

Марта записала: «Чек показывает покупку газеты в 18:42 во вторник». После паузы добавила: «Чек сохранился». В колонке воспоминаний написала: «Я пришла в этот киоск вечером». В третьей: «Город отменил вторник целиком».

— Последнее вы пока не можете доказать, — заметил продавец.

— Я знаю. Это догадка.

— Хорошо. А то я уже приготовился к тому, что меня сейчас назначат свидетелем конца света.

Марта улыбнулась, и от этой небольшой шутки напряжение в плечах стало слабее.

— Что вы помните точно?

— Точно? — Павел Ильич задумался. — Я не могу сказать «точно» о своей памяти. Но помню женщину с темным шарфом. Вы были в темном шарфе?

— Да.

— И спросили про бурю. Взяли газету. Расплатились мелочью. Это, кажется, все.

Марта записала его слова в колонку воспоминаний, не в колонку фактов.

— Почему не сюда? — спросил он, указав на первую колонку.

— Потому что вы помните это, а не сохранили запись о продаже.

Павел Ильич усмехнулся.

— Справедливо.

Из киоска выглянула женщина в синем пальто. Она принесла пустую сумку и газетный список, сложенный вчетверо.

— Павел Ильич, у вас остался номер с прогнозом? — спросила она. Потом заметила Марту. — А, это вы. Я вас помню.

Марта подняла голову.

— Откуда?

— Вчера видела у киоска. Вы покупали газету, а я ругалась, что опять обещают бурю. У меня белье на балконе осталось.

— Вы помните, шел дождь?

Женщина сняла перчатку и потерла ладонь о ладонь.

— Лил. Во всяком случае, у меня рукав был мокрый. Я еще подумала, что вы зря без зонта.

Павел Ильич покачал головой.

— Я помню сухой вечер.

— А я мокрый, — сказала женщина.

— Возможно, вы вышли из другого подъезда.

— Или у вас навес сухой, — ответила она. — Под ним вы и сидите.

В их голосах не было ссоры. Только легкая досада людей, которым не удастся сложить один и тот же вечер из одинаковых деталей. Марта вдруг поняла, как быстро ей захотелось выбрать чью-то версию. Сказать: вот кто прав, а вот кто ошибается. Тогда история снова стала бы гладкой, а вместе с гладкостью вернулась бы иллюзия контроля.

Она записала: «Марта покупала газету у киоска. Павел Ильич и женщина в синем пальто помнят этот эпизод». Ниже, в колонке воспоминаний: «Павел Ильич помнит сухой вечер. Женщина помнит дождь». В третьей: «Возможно, дождь шел на одной стороне улицы».

— Похоже на допрос, — сказала женщина.

— Скорее на карту, — ответила Марта. — Я стараюсь не решать заранее, кто из нас ошибся.

Женщина помолчала, потом кивнула и назвала свое имя: Нина. Она подтвердила, что видела темный шарф и газету с заголовком о буре. А вот цвет сумки Марты назвала зеленым. Марта помнила свою сумку серой. В ежедневнике не было ни слова о сумке.

Еще одна деталь, которой некуда было пристроиться, кроме как в пространство между версиями.

— У меня есть старый билет, — сказала Марта. — Возможно, он поможет.

В боковом кармане ежедневника, за страницей с заметкой о встрече с братом, нашелся билет на трамвай. Он был смят и потемнел по краям. На нем сохранились номер маршрута, время — 18:07 — и отметка «вторник».

— Откуда вы знаете, что это ваш? — спросил Павел Ильич.

Марта едва не ответила: «Я помню». Но остановилась.

— Я носила его в кармане. И вчера, кажется, ехала на шестом.

— Билет подтверждает, что его пробили во вторник в 18:07, — сказала Нина. — Если дата на нем не подделана.

— Да, — согласилась Марта. — А то, что я ехала на шестом, — мое воспоминание.

Она положила билет рядом с чеком. Между отметками было тридцать пять минут. Достаточно, чтобы выйти на остановке, пройти до киоска и купить газету. Достаточно, но не обязательно: маршрут проходил через две остановки, а некоторые часы города могли быть настроены неверно. Она не стала дорисовывать крошечные стрелки, соединяющие одни события с другими.

— С кем вы встречались? — спросил Павел Ильич.

— С братом. Мне казалось, я его подвела. Мы поссорились.

Она раскрыла ежедневник на странице со словами «Не опоздать. Поговорить спокойно». Под ними стояло: «Сказала, что не могу опять все делать за него».

— Это уже не воспоминание? — спросила Нина.

— Запись подтверждает, что я так сформулировала. Но не подтверждает, что именно эти слова произнесла.

Марта сама слышала, как тщательно подбирает фразы, словно если разделит все на достаточно мелкие части, то перестанет бояться. Но страх не исчезал. Он лишь терял возможность выдавать себя за свидетельство.

Она помнила голос Льва, его уставшее лицо, собственную резкость. И еще помнила стыд — такой сильный, что он превратил ссору в приговор. «Я всё испортила». «Он больше не захочет со мной говорить». «Если бы я не сказала той фразы, вчера не исчезло бы». Последняя мысль была настолько нелепой, что именно поэтому цеплялась особенно крепко: вина любит объяснения, в которых человек занимает главное место.

Марта посмотрела на запись. «Я сказала, что не могу опять все делать за него» могло быть точной цитатой, обрывком, пересказом или ее позднейшей редактурой. В строке не было записано, что Лев ответил. Не было написано, кто ушел первым. Не было доказательства, что молчание брата означало отказ от нее.

— Я думала, что сама во всем виновата, — произнесла она. — Но здесь этого нет. Здесь есть только моя фраза и мое чувство после разговора.

— Чувство тоже настоящее, — тихо сказала Нина.

— Настоящее, да. Но оно не всегда описывает весь разговор.

Павел Ильич достал карандаш.

— А что у нас в третьей колонке про брата?

Марта написала: «Лев сердится и не хочет разговаривать». Посмотрела на слова и перечеркнула их одной тонкой линией.

— Нет. Это я не знаю.

Вместо этого написала: «Пока не отправила ему сообщение».

Она показала строку Павлу Ильичу и Нине.

— Это уже можно проверить, — сказал он.

— Когда нажму «отправить», — ответила Марта.

Тишина в киоске стала почти уютной. С улицы доносился шелест страниц, которые кто-то перелистывал за стеклом. Взрослый мужчина с холщовой сумкой задержался у газетной витрины, прочитал заголовок о буре и поморщился.

— Опять обещают дождь, — проворчал он. — Вчера весь вечер было ясно.

Нина тут же повернулась к нему:

— Как вас зовут?

Мужчина настороженно взглянул на нее.

— А вам зачем?

Она объяснила коротко и без загадочности. Он представился Виктором, человеком с почтой, который развозил письма по северной части района. По его словам, во вторник к вечеру не было ни дождя, ни ветра. Но он видел Марту у трамвайной остановки, где та читала газету. И это было раньше, чем она купила ее у киоска.

— Вы уверены, что видели меня с газетой? — спросила Марта.

— В газете была картинка с набережной. Вы стояли под расписанием. Я прошел мимо и подумал, что вам не страшно промокнуть.

— А вы сказали, что дождя не было, — заметил Павел Ильич.

— Не было.

— А я помню, что шел.

Виктор пожал плечами.

— Может, шел у вас.

Он не улыбался, но и не выглядел человеком, который хочет кого-то обмануть. Марта почувствовала, как внутри снова поднимается желание схватиться за точную последовательность: сначала трамвай, потом остановка, потом киоск. Билет и чек, располагавшиеся по вре-

мени, будто обещали эту последовательность. Но никто из них не мог знать, не перенесли ли часы на остановке, не ошиблась ли она сама, не перепутал ли Виктор серый шарф с газетой.

Она записала его воспоминание. Не пометила как факт. Не зачеркнула из-за несовпадения с остальными. Просто добавила имя и место.

В конце листа получилась маленькая карта района. Марта нарисовала площадь, остановку, киоск, переулок к мосту. У киоска поставила кружок: «Покупка газеты. Чек — 18:42, вторник. Павел Ильич помнит покупку. Нина тоже». Рядом добавила: «Дождь: Павел Ильич — нет. Нина — да». На остановке обозначила точку: «Марта помнит трамвай в 18:07. Виктор помнит Марту с газетой раньше покупки». Возле моста ничего не написала, только поставила вопросительный знак.

— Три колонки помогли? — спросил Павел Ильич.

Марта посмотрела на лист. Он не вернул ей вторник и не объяснил, почему в телефоне понедельник сменился четвергом. Не доказал, какие из воспоминаний верны. Зато перестал складывать в одну кучу чек, мокрые рукава, вину, билет и уверенность, что она знает мысли брата.

— Помогли увидеть, где я знаю, а где только боюсь, — сказала она.

Она закрыла ежедневник. Чек и билет остались на своих местах, а страница со вторником теперь казалась не ответом, а свидетельством того, что память можно поддержать: предметами, записями, чужими словами. Но опираться на них следовало осторожно. Бумага могла подтвердить, что именно на ней написано; человек мог честно помнить и при этом ошибаться. А чувство, каким бы сильным оно ни было, не становилось от этого доказательством.

Марта поблагодарила Павла Ильича и Нину. Виктор уже ушел, не купив газету. На площади его темная фигура растворилась среди прохожих.

Павел Ильич записал свой телефон на обороте упаковочной бумаги.

— Если вспомню что-нибудь еще, позвоню.

— А если не вспомните, это тоже ничего не доказывает, — сказала Марта.

— Вот теперь вы говорите как следователь.

Она убрала номер в ежедневник. У выхода из киоска висели часы с круглым белым циферблатом. Их стрелки показывали без десяти семь. На телефоне Марты было семь двенадцать. Она посмотрела на настенные часы внутри киоска: те показывали шесть пятьдесят восемь.

Вторник оставил следы в бумаге, билетах и людских рассказах. Но даже те, кто помнил один и тот же эпизод, не совпадали в мелочах. Марта вынула карандаш и поставила на карте еще одну маленькую точку — между киоском и остановкой, там, где начинались три разных версии одного вечера.

Часы, идущие в разные стороны

Марта не ушла от киоска, пока не записала показания часов. Наружные показывали 18:50, внутренние — 18:58, телефон — 19:12. Она обвела точку у остановки на карте и приписала рядом все три значения. Не стала выбирать, какое из них правильное.

Телефон завибрировал. Лев написал: «Я еще в мастерской. Если хочешь поговорить, приходи».

Марта уже час репетировала ответ. Она хотела сказать брату, что зря обвинила его в желании всё контролировать. Потом собиралась добавить, что сама не умела просить о помощи и потому злилась, когда он догадывался о ней без слов. Фраза получалась длинной, осторожной, похожей на записку, которую можно исправить до тех пор, пока не станет поздно.

Она посмотрела на циферблат телефона. Девятнадцать двенадцать. Если улицы не задержат ее, к половине восьмого будет у мастерской.

Марта убрала телефон и направилась к центру.

На перекрестке у старого банка электронные часы над входом показывали 19:18. Телефон — 19:16. Разница была небольшой, почти утешительной. Потом светофор для пешеходов загорелся зеленым, хотя трамвай еще двигался к переходу, не снижая скорости. Люди остановились на бордюре. Марта отступила вместе с ними.

Трамвай прошел перед самым переходом. Зеленый сигнал погас, снова вспыхнул и тут же сменился красным.

— Он нас торопит, — сказала женщина с сетчатой сумкой.

— Не он, а кто-то, кто решил, что зеленого достаточно, — отозвался мужчина рядом.

Марта записала: «Банк. Часы +2 к телефону. Светофор сменил сигнал до остановки трамвая». Ей не нравилось, как это выглядело. Слишком похоже на отчет, составленный человеком, который надеется, что аккуратность заметок способна удержать мир на месте. Но она продолжила писать.

У центральной остановки ждали люди. На электронном табло было 19:20 и обещание трамвая через две минуты. Над расписанием висели круглые часы — 19:09. Телефон Марты показывал 19:18.

Она внесла в карту еще одну точку.

На табло вспыхнул маршрут номер три. Трамвай подошел бесшумно, будто катился не по рельсам, а по плотному слою пыли. Марта поднялась в вагон и встала у двери. В салоне пахло мокрой шерстью и горячим металлом. Девочка в красных варежках прижимала к стеклу лоб. Напротив сидел мужчина с футляром для скрипки.

Динамик назвал следующую остановку. Трамвай качнулся, прошел мимо булочной с синим навесом и свернул за каменный дом. Марта следила за улицами по карте. Следующей должна была быть площадь у театра, но вагон замедлил ход, и голос из динамика произнес:

— Центральная площадь. Конечная.

Двери открылись.

Марта увидела остановочный столб с облупленной синей краской и табличку «Центральная площадь». Ту самую, с которой она уехала. Мужчина со скрипичным футляром поднялся, будто это было в порядке вещей. Девочка в красных варежках не отрывала лба от стекла.

— Мы уже проезжали эту остановку? — спросила Марта у кондуктора.

Та посмотрела на нее так, словно вопрос был не к ней, а к вагону.

— Я объявляла ее дважды.

Трамвай дернулся, закрыл двери и снова покатил к булочной. На этот раз Марта вышла.

На телефоне было 19:24. Часы на остановке по-прежнему показывали 19:09. Она поставила рядом с точкой короткую черту и написала: «Повторный круг. Не ехать».

— Вы тоже заметили? — спросила женщина с сетчатой сумкой. Она вышла вслед за Мартой.

— Да.

— Хорошо. Я уже начала сомневаться, что села не на тот маршрут.

Марта не ответила. Она сверилась с картой и выбрала ближайшую улицу, идущую параллельно трамвайным путям. Оттуда можно было добраться к мастерской Льва пешком. Или, если верить карте, к старой башне, возле которой она собиралась свернуть.

Улица Кленовая оказалась спокойнее центра. В витрине часовой мастерской стояли большие часы с латунными стрелками. Они показывали 19:24. Электронное табло у пекарни — тоже 19:24. Часы на остановке напротив пекарни — столько же.

Телефон Марты показывал 19:31.

Она проверила настройки, будто там могла обнаружиться причина, а не только инструкция. Сеть работала. Часовой пояс был прежний. Экран не мерцал. Все три местных циферблата согласились друг с другом и отставали от телефона ровно на семь минут.

Марта поставила на карте четвертую точку.

«Кленовая. Три источника: 19:24. Телефон: 19:31. Разница: минус семь».

На остановке высокий мужчина спорил с водителем, который вышел из автобуса.

— У вас в расписании было без пяти, — говорил пассажир.

— В расписании теперь другое время.

— Когда другое?

Водитель пожал плечами и показал на часы над пекарней.

Марта услышала за спиной знакомый гул трамвая. Вагон номер три вышел из-за поворота, проехал булочную, свернул у каменного дома и исчез. Она посмотрела на телефон. 19:32. Через несколько минут тот же трамвай снова возник на перекрестке и повторил поворот, словно улица была петлей, которую нельзя было расправить.

Мужчина с футляром для скрипки смотрел из окна. Девочка в красных варежках теперь сидела на другом месте, но варежки держала перед лицом. Может быть, в вагоне были две похожие девочки. Может быть, Марта ошибалась. Она не стала превращать сходство в доказательство.

На карте, однако, обозначила трамвайный маршрут двумя стрелками, которые пересекались.

Старая башня показалась над крышами, когда Марта вышла на площадь. Часы на ней были видны издалека. Большой циферблат показывал 19:47, телефон — 19:38. На другой стороне башни, где стрелки угадывались сквозь узкие окна, было, кажется, 19:41. Марта записала оба значения и поставила пятую точку.

На площади собралась небольшая толпа. Мужчина в рабочем комбинезоне стоял у дверцы механизма башенных часов и держал в руке ключ. Рядом женщина показывала ему телефон.

— Вот, смотрите. Девятнадцать тридцать восемь. Выставьте так.

— У меня сорок семь, — сказал мужчина.

— Значит, ваши часы ошибаются.

— А если ошибается телефон?

— Все телефоны не могут ошибаться одновременно.

— Могут, если они сверяются с одной сетью, — заметил кто-то из толпы.

Женщина нахмурилась.

— Тогда давайте сверим с часами на вокзале.

— Вокзальные отстают.

— А у вас откуда сведения?

Разговор быстро стал громче. Люди поднимали телефоны, называли минуты, сравнивали циферблаты и требовали, чтобы рабочий двигал стрелку. У одних было 19:38, у других — 19:45. Кто-то называл шестнадцать минут седьмого, будто цифровые числа только мешали.

Марта достала карандаш. Ей тоже хотелось выбрать одни часы и заставить остальные согласиться. Хотелось определить правильную минуту, отыскать точное время и прийти к Льву как раз тогда, когда он еще будет ждать и не успеет решить, что она опять передумала.

Она открыла настройки телефона. Можно было отключить автоматическое время и выставить вручную. Например, по башне. Или по киоску. Палец завис над экраном.

Рабочий вставил ключ в механизм и повернул его. Большая стрелка дрогнула, медленно двинулась назад, затем вперед. В тот же миг все фонари на площади погасли и зажглись снова. Пешеходный светофор у соседнего переулка показал зеленый, хотя по дороге еще шли машины. За зданием донесся звон трамвайного колокольчика.

Люди замолчали. Потом заговорили разом.

Марта закрыла настройки телефона.

Она не знала, было ли движение стрелки причиной сбоя или просто совпало с ним. Этого она пока не могла записать как установленный факт. Но порядок событий видела: люди потребовали общей минуты, механизм тронули, и площадь на мгновение лишилась света.

— Не двигайте больше стрелки, — сказала она рабочему. — Хотя бы пока.

— А что тогда делать? — спросила женщина с телефоном. — Просто смотреть, как все расходится?

Марта посмотрела на собственные записи.

— Сначала понять, где расходится.

Женщина ничего не ответила. Рабочий вынул ключ из замка.

Марта развернула карту на капоте припаркованного фургона. Карандашные отметки получились неровными. К первой точке у киоска она приписала разницу между наружными и внутренними часами. У банка поставила плюс две минуты. У остановки — две цифры, которые не совпадали даже между собой. На Кленовой подчеркнула семь минут отставания. У башни обвела разницу с телефоном и добавила: «четыре стороны показывают неодинаково».

Она не усредняла значения. Не вычеркивала те, что казались неудобными. Просто нанесла их на бумагу.

Пять точек легли вокруг башни кривой дугой. Между ними тянулись рельсы и улицы, где она уже заметила перебои. На карте оставался небольшой участок без отметок: внутренний квартал за башней. Там, на узкой улице, значилось здание городского архива.

Марта посмотрела на фасад архива, различимый между деревьями. Она собиралась идти к Льву, но теперь путь к мастерской лежал через перекресток, где сигналы менялись раньше машин, и через остановку, где трамвай возвращался по собственному маршруту. На карте нашелся другой путь: по освещенному переулку, вдоль кирпичной стены, затем через подземный переход. Он обходил оба места.

До архивного квартала было ближе, чем до мастерской. А если все пять расхождений отмечались возле башни, это здание стоило проверить первым.

Телефон снова завибрировал.

«Ты где?» — спрашивал Лев.

Марта набрала: «Буду у тебя через десять минут». Посмотрела на карту и стерла сообщение до отправки. Она не знала, сколько займет дорога. И не знала, какие часы Лев примет за верные.

Она написала заново: «Я иду. Не могу точно сказать, когда буду. Хочу поговорить с тобой, но сначала проверю одну вещь у архива».

Сообщение доставилось. Ответ не пришел.

Переулок за башней оказался узким, но ровным. Марта держалась освещенной стороны и ориентировалась на вывески, номера домов и повороты, а не на часы. Она отметила на карте подземный переход, а у выхода — фонтан с треснувшей чашей. Вода стекала по камню тонкой нитью и собиралась в темной лужице. До сих пор фонтан в ее заметках не фигурировал. Теперь он стал простым ориентиром: от него повернуть налево, затем идти до ворот с тремя каменными ступенями.

Улица архива была закрыта для машин. На воротах висела цепь. За решеткой темнел двор, а в одном из окон горел желтый свет.

Марта подошла к калитке и потянула ручку. Заперто. На двери висела табличка с расписанием приема, но цифры на бумаге выцвели. Под ней, за стеклом, кто-то прикрепил свежее объявление.

«Временный порядок учета документов, связанных с днем, исключенным из городского календаря».

Марта прочла заголовок еще раз. Ниже шла нумерация пунктов, но лист был сложен, и видна оставалась только первая строка:

«Не проставлять дату самостоятельно».

Она достала карту. Пять отметок окружали башню, а линия безопасного маршрута упиралась в закрытые ворота архива. Это не объясняло, почему часы расходились, почему трамвай возвращал пассажиров к той же остановке и что именно произошло с прошедшим днем. Но теперь у Марты было место, куда можно было задать следующий вопрос.

Она убрала телефон, не проверяя, который час, и постучала в стекло.

Правила отменённого дня

Марта постучала в стекло.

Сначала в архивном окне отразилось только её лицо: бледное, перечёркнутое трещиной, которая шла по стеклу от лба к подбородку. Потом за отражением шевельнулась тень. Щёлкнул замок, и в нижней части окошка отодвинулась узкая заслонка.

— Если вы за справкой, её пока нельзя датировать, — сказала женщина за стеклом.

— Я не знаю, за чем я, — ответила Марта. — Наверное, за правилами.

Женщина внимательно посмотрела на неё. На вид ей было около шестидесяти, но серые волосы были собраны так туго, что лицо казалось моложе и строже. На её груди висел пропуск без даты.

— Тогда вы пришли вовремя. То есть раньше. Или позже. — Она поморщилась. — Простите. Сегодня этим лучше не шутить.

Она представилась Еленой Павловной, служащей временного отдела учета. Архив был закрыт: после исключенного дня в книгах расплзлись записи, а часть документов начала появляться в шкафах раньше, чем их туда клали. Пока специалисты разбирались, людям велели не исправлять даты и не переносить события в привычный календарь.

— Записывайте порядок, — сказала Елена Павловна, протягивая Марте сложенный лист. — Что увидели первым, что случилось следом, кто это подтвердил. Если не знаете, когда именно, не придумывайте. Если помните — так и пишите: «помню». Не «было».

— А если событие ещё не произошло?

— Тогда особенно не пишите «было».

На листе шли короткие пункты. Не проставлять дату самостоятельно. Отделять увиденное от услышанного. Не считать отсутствие записи доказательством отсутствия события. Сообщать о возможной опасности, не выдавая предположение за приказ.

Марта перечитала последний пункт.

— Здесь уже случалось что-то подобное?

— Здесь всё случается впервые, пока не найдётся запись о том, что это уже было.

Из бокового коридора донёсся звонок телефона. Женщина бросила взгляд туда, и Марта заметила, как напряглась её челюсть.

— Идите к часовому кварталу, — сказала Елена Павловна. — Там люди с утра говорят о завтрашнем дне. Не о том, что боятся его. О том, что уже в нём побывали.

— Почему вы отправляете меня туда?

— Потому что вы всё равно туда пойдёте. А так хотя бы будете знать, что не обязаны верить первому объяснению.

У часового квартала начиналась улица с низкими домами и узкими мастерскими. На её конце торчал старый водонапорный бак. В окнах уже горел свет, хотя день был ясный. Не обычный свет ламп — скорее ровное сияние, будто за стёклами наступило утро, которого на улице ещё не было.

Марта остановилась у первой витрины.

За стеклом она увидела мастерскую Олега, мастера по ремонту часов. На столе лежала раскрытая коробка с инструментами. Сам Олег снимал с двери табличку «Открыто» и переворачивал её стороной «Закрыто». Рядом стояла девочка в синем свитере. Она держала в руках маленькие часы, а губы у неё дрожали.

Витрина не показывала отражение улицы. Из глубины помещения донёсся голос Олега:

— Завтра я уже не откроюсь.

Марта отступила. В мастерской за стеклом всё ещё было светло, но картины больше не было. В настоящей мастерской Олег стоял у верстака и возился с удлинителем. На двери висела табличка «Открыто». Девочки в синем свитере нигде не было.

Марта достала карту и блокнот. Рука потянулась записать: «Завтра мастерская закроется». Она остановилась, вспомнив слова архивной служащей.

Возможно: Олег закроет мастерскую.

Зависит от решения: станет ли он продолжать работу, уйдёт ли за нужной деталью, кто вмешается.

Вне моего контроля: почему окно показывает сцену и почему именно сейчас.

Она провела пальцем по последней строке. Слова придавали происходящему форму, но не делали его безопасным. И всё же форма была лучше, чем пустое место, куда воображение тотчас вставляло приговор.

Внутри Олег поднял голову и заметил её.

— Марта? Ты чего такая?

— Я видела, как ты закрываешь мастерскую.

Он посмотрел на табличку, словно ожидал обнаружить на ней новую надпись.

— Я сегодня и собирался закрыться на час. Проводка греется. Нужно съездить за предохранителем.

— Ты собираешься закрыть её совсем?

Олег провёл ладонью по седой щетине.

— Если опять придётся менять проводку за свой счёт, возможно. Но решение я ещё не принял.

Марта услышала слово «возможно» и почувствовала облегчение. Будто нашла в его голосе щель, через которую можно протиснуть правильный исход.

— Не закрывайся. Не сегодня. Хотя бы до вечера.

— Я сказал, что проводка греется.

— Тогда я останусь. Если что, помогу.

— Чем?

У неё не нашлось ответа. Олег надел куртку, но она схватила ключи со стола раньше, чем он успел их взять.

— Подожди. Если ты уедешь, что-то случится. Я видела.

— Ты видела меня у окна, — сказал он. — Это не одно и то же, что знать, что случится.

— Ты сам сказал, что проводка греется.

— Поэтому я и еду за предохранителем.

Марта открыла ладонь и посмотрела на ключи. Она забрала их не ради безопасности, а чтобы остановить сцену, которую боялась. Олег это понял. На его лице появилось выражение человека, которого заперли снаружи собственного решения.

— Отдай.

Она вернула ключи. Но теперь Олег не стал уезжать. Он снял куртку и потянулся к удлинителю.

— Хорошо. Раз уж ты решила, что лучше меня знаешь, давай посмотрим, что там.

Где-то в глубине квартала хлопнула дверь. Марта оглянулась на витрину. В ней снова загорелось раннее утро, но сцена была другой: Олег оставался в мастерской, а над столом медленно расползался сизый дым.

Она сделала шаг назад.

В следующем окне, напротив, вспыхнул красный свет. Марта подошла ближе. За стеклом коридор жилого дома наполнился дымом. Дверь мастерской была распахнута, люди толкались у выхода. У стены висела красная пожарная кнопка. Сирена молчала. Потом кто-то пробежал

мимо окна, поднял руку и ударил по кнопке. Городской вой ударил по ушам так резко, что Марта вздрогнула.

В картине за стеклом женщина с сумкой споткнулась на пороге. За ней навалилась толпа.

Марта обернулась. На фасаде соседнего дома действительно висела пожарная кнопка, только вокруг неё облупилась краска. Над ней стояла табличка: «Общая линия. Не отключать».

Она бросилась к щитку в коридоре мастерской. Олег уже склонился над удлинителем.

— Не включай станок! — крикнула она. — Сейчас будет пожарная тревога.

— Откуда ты знаешь?

— Видела.

— Это не причина лезть в щиток.

Но Марта уже заметила подпись на рычажках: «Свет», «Мастерская», «Сигнал». Она решила, что если отключить сигнал заранее, никто не побежит и не упадёт. Рычажок поддался легко. В мастерской погасли лампы. Из глубины здания донёсся сухой треск. На секунду всё стихло.

Затем кто-то в темноте вскрикнул.

Олег включил фонарь на телефоне. В его свете было видно, как от удлинителя тянется дымная нитка. За стеной кашлянули. В окно с улицы уже заглядывали соседи.

— Ты выключила не сигнал, — сказал Олег, заглянув в щиток. — Это старая схема. Тут один рычаг на половину дома. Мы теперь без света, а пожарная линия могла тоже погаснуть.

Марта почувствовала, как холодеют пальцы. Она смотрела на кнопку, на надпись, на приоткрытую дверь. В окне напротив будущая картина исчезла. Вместо неё возникла новая: коридор наполнялся дымом, а красная лампа над кнопкой не загоралась.

Она посмотрела на свою запись. «Зависит от решения». Это было верно, но она употребила эти слова так, будто решение должно было принадлежать ей одной.

— Я думала, если не будет сирены, не будет и толпы, — сказала она.

— А если будет дым?

Олег не повысил голос. От этого вопрос прозвучал тяжелее.

Марта сняла руку с рычага. Из переулка донёсся быстрый шаг. Она узнала походку Льва ещё до того, как он вошёл в мастерскую: слегка торопливую, будто каждый поворот улицы приходилось уговаривать.

В окне, выходящем на соседний дом, снова мелькнуло будущее. Теперь Марта увидела себя и Льва в этой же комнате. Он держал под мышкой папку, она стояла у двери. Между ними лежала карта. Лев говорил:

— Ты не можешь каждый раз решать за всех, что им опасно знать.

Марта отвечала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.